

18+

Евгений Кремнёв

НИЧЕЙ

Криминальная повесть

Евгений Кремнёв

Ничей. Криминальная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18913586

ISBN 9785447485511

Аннотация

Подросток-подкидыш, выросший на «дне», влюбляется и пытается попасть в «нормальный» мир, используя свой талант на службе у криминального авторитета. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ничей

Криминальная повесть

Евгений Кремнёв

© Евгений Кремнёв, 2024

ISBN 978-5-4474-8551-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Где-то звонит колокол, еле слышный в подземном переходе, где стоит женщина: ей под сорок, её зовут Люба. Она в монашеском одеянии и поет псалом. – ...Господи, Боже наш! Как величественно имя твое по всей земле! Слава твоя простирается превыше небес! Из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу... – голос у неё чистый, красивый. Несколько зевак стоят поодаль, внимая пению монашки; ей подают, не скупятся.

Мимо торопливо проходит подросток по кличке Карлсон – ему лет пятнадцать-шестнадцать. Люба косит на него глазом, продолжая петь, – ...ради врагов твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя...

Не глядя в сторону Любы, Карлсон выстреливает молодым баском. – Уходи! Полицейский идет!

Одухотворенность мгновенно слетает с лица женщины: Люба обрывает пение, кидает в сумку, стоящую в ногах, банку для пожертвований, картонную бирку с текстом «Подайте на строительство храма» и убегает.

В переходе появляется веснушчатый полицейский. – Эй, гражданка в чёрном! Пожалуйста, остановитесь!.. – приказывает он.

...Люба бежит по битому кирпичу вдоль заброшенного

жилого здания, на ветру развевается платок-апостольник, за ней – полицейский. От его вежливости не осталось и следа. – Стой, сучка! Догоню – урою!.. – кричит он. Люба бежит за угол, за ней – полицейский.

...На земле лежит полицейский, на лбу из раны сочится кровь. Запыхавшаяся Люба и Карлсон стоят поодаль. – Ты его не убил? – говорит Люба.

– Нет, – отвечает Карлсон. – У ментов лбы крепкие. Проверено.

Они подходят к полицейскому. – Жалко: молодой такой, – говорит Люба и придурковато хихикает. – Хорошенький!

– Ага! А если бы он тебя сдал за работу на чужой территории! – выговаривает ей подросток. – Ты, Люба, думай, кого жалеть! Мент это продажный!

Люба вздыхает. – Все мы люди, все мы – человеки.

Карлсон наклоняется, подбирает огромную гайку, лежащую рядом с полицейским, и кладёт в карман. – Пошли отсюда.

Они торопливо идут вдоль заброшенного здания. Люба на ходу снимает с головы чёрный платок-апостольник и кладёт в сумку.

– Тут тебе нельзя работать, – говорит юноша.

– Да. Нужно искать другой переход.

– Я завтра на Румянцевский рынок ухожу.

– Что так?! – удивляется Люба.

– На Крестьянском я уже примелькался. Менты в интернат могут сдать.

– И иди в интернат. Заживёшь как человек. Имя тебе дадут. Документы получишь.

– Чего! Офигела что ли! Слышал я, как в детдомах живут! Я пацан свободный и живу сам по себе!..

– Разве это жизнь – прятаться да убегать?

– А чё. Мне – в приколы...

Люба вздыхает, глядя на Карлсона.

По дачному поселку едет джип. Салон у него из белой кожи, дорогой и чистый. Под лобовым стеклом на шнурке болтается символ языческого солнца, похожий на диск от циркулярной пилы. За рулём – человек по кличке Бритва; ему слегка за тридцать, он сухощавый, в костюме с иголки, и в затенённых очках в модной оправе. Рядом – Шрэк, по виду – его ровесник, с ковшеобразной челюстью и в спортивном костюме.

– ...Корней – урка старого закала и мы для него – никто, – говорит Бритва. – Пыль. Потому он у нашего пушера дурь забрал. Мол, толкал товар на его территории.

– Почему его?! – упрямится Шрэк. – Это наша территория!

– У него другой взгляд на эту тему.

– И чё нам теперь? Лапки кверху и всё отдать?!

У Бритвы звонит мобильник. Он достаёт телефон, мельком глядит на дисплей и отключает его. – Алиса утомила... Опять бухает, сучка...

Его товарищ грызёт ноготь.

– Шрэк, ты что-то в последнее время дёрганный стал, – говорит Бритва, искоса поглядывая на него.

– Почему это?

– Я тебя сто лет знаю. Раз ногти грызёшь, значит – про-

блема есть.

Шрэк перестаёт грызть ноготь. – Башмак новый взял, а он – давит. Вот и проблема: пальцы стёр.

– Так – купи другие.

– Жалко. Эти разношу, – он наклоняется и мнёт носок ботинка. – Значит чё, подписываться на ликвидацию?

– Самим? Нет. Нужен спец со стороны. А нам при ликвидации быть на виду. С железобетонным алиби.

Шрэк распрямляется. – И где мы возьмём спеца? Объявлядим?

– Ага. В интернете... Самая хрень заключается в том, что если начнёшь искать киллера, обязательно шумок пойдёт.

– И обязательно его услышит какая-нибудь тварь, – поддакивает товарищ.

– И менты организуют тебе подставу.

Бритва внезапно выворачивает руль, автомобиль виляет. Шрэка бросает на товарища.

– Ты чё, Бритва!?

Тот оглядывается назад. – Бля, кажется, не достал! Прямо из-под колёса выскочил!

– Кто?

– Псина!.. С зоны их ненавижу!.. – он ухмыляется. – Они меня – тоже...

Они поворачивают на перекрёстке и останавливаются у металлической калитки загородного дома. Бритва глушит двигатель, выходит, открывает дверь джипа и берёт пакеты,

лежащие на заднем сиденье. – Я – быстро...

Бритва уходит, телефон Шрэка бринькает. Он включает дисплей, на картинке молодая женщина стоит в позе собаки. Сзади к ней – известно с какой целью – пристроилась муляжная кукла Шрэк...

Шрэк испуганно глядит в окно и прячет телефон.

Люба сидит на краю расстеленного дивана и застёгивает бюстгальтер.

– ...Быстро мы это сделали. Люблю быстро, – говорит женщина. – Карлсон лежит рядом, под одеялом.

В помещении, похожем то ли на мансарду, то ли на чердак с маленьким грязным оконцем в косом потолке, стоят два старых дивана, стол с древним телевизором. С деревянной балки свешивается голая лампочка. В углу – кран с раковиной. На одной из стен – круглая мишень для дартсов.

– Люб, а если Трофим узнает, что ты и с ним, и со мной спишь? – говорит Карлсон.

– А, то он не знает, что я женщин добрая, – она глядит на Карлсона и придурковато смеётся. – О-очень добрая! – Женщина пробует щекотать подростка, тот – отбивается.

– Но про меня же он не знает?

– И не узнает, если не скажешь. Ты же не скажешь?

– Нет.

– Вода сегодня есть у вас?

– С утра была.

Люба встает с дивана. – Давай, я тебе голову помою. Где кипяtilьник?..

Бритва входит в калитку, в руках полиэтиленовые пакеты. На дорожке, уложенной цветной плиткой и обрамлённой розовыми кустами, стоит раздражённая красавица с оплывшей фигурой – жена Бритвы Алиса. Она только что встала из-за садового столика, на котором стоит полупустой бокал вина, лежат телефон и книга – биография Анджелины Джоли. Женщина зло говорит, глядя в сторону калитки, где чернеет джип. – Кто там? Придурок Шрэк?

– Возможно.

– Чё трубку не брал?

– Не слышал.

– Не слышал, ага! Морковки купил?

– На земле живёт, морковку вырастить не может, – бормочет сам себе Бритва.

– Сам в ней копайся! Так купил или нет?

Бритва подхватывает раздраженный тон. – Купил!

– А, человека-паука?

– Паука? Чёрт, забыл!

– Небось, опять смотаешься сейчас?

– Думаешь, мне лавэ само в карман сыпется?

– Знаю, какое там «лавэ» тебя по саунам ждёт.

– Смени музыку, Алиса... Или лучше на работу устройся.

В больницах медсестёр не хватает...

– Щас!

Из дома выскакивает сын Бритвы – Денис: мальчик лет четырех – с игрушечным пистолетом и бежит к отцу. – Папка! Папка!

– Здорово, бандит!.. – Он подхватывает сына на руки.

– Точно, бандит растёт! – язвит Алиса.

– Ничего подобного! Наш бандит за границей учиться будет.

– Твоя сумасшедшая тётка звонила.

– Чего ей надо?

– Ребёнка под опеку взять хочет.

– Никаких опек! Я разрешения не дам... Сначала опека, потом усыновление, а потом придётся её хату не на две, а на три части делить. Да, Дениска?

Денис стучит отца пистолетом по голове. – Уя, папка пиехал!..

– ...Сироты пусть по детдомам живут... – продолжает тему Бритва. Он ставит сына на дорожку.

– Уже смываешься? – злится Алиса. – Иди, хоть, с мамой поздоровайся!..

Карлсон склонился над раковиной. Люба, в юбке и бюстгальтере, с полотенцем на плече, смывает пену с его головы. – ...Мамочка ему голову помыла. ...Может, кто и считает, что я шлюха, но ты скажи: кто тебя, дурака, научил с женщиной обращаться? А?

– Ты.

– Это – мне в плюс или в минус?

– В плюс.

Карлсон распрямляется, Люба подаёт ему полотенце. – А, вообще, – понижает женщина голос, – хочешь, тайну тебе открою?

– Давай, – отвечает Карлсон, вытирая голову. Люба оглядывается по сторонам. – Мужчина для меня – лекарство, – шепчет она заговорщицки. – Парацетамол.

– В каком смысле?

– В прямом. Мне мужчина каждый день нужен. Если у меня нет мужика хоть день, у меня голова болит. Прямо раскалывается. Понял теперь? – Карлсон протягивает полотенце Любе. – А если два дня нет мужика?

– Два? – Люба озадачена. – Не пробовала. Наверное, голова совсем расколется. – Карлсон закатывается смехом. – Ты, Люба, и гонщица!

– Вот никто мне не верит! – искренне расстраивается Люба. Подросток смеется ещё громче. – А, ты, чё, всем про это рассказываешь?!

– Конечно. Я же не хочу, чтобы меня шлюхой считали.

Продолжая смеяться, Карлсон поднимает с пола джинсы. Из кармана выпадает гайка и катится по полу.

– Ты хоть кровь с неё смой, – говорит Люба. Карлсон подбирает гайку, вертит её в руке. – Точняк. Кровь ментовская осталась.

– Ой, научил Трофим метать тебя все, что ни попадя. Не кончится это добром.

Карлсон идет к раковине и отмывает гайку под струей воды. – Не надо ля-ля про Трофима! Может, я вырасту и буду как он когда-то – ножи в цирке метать.

– Не верю я, что он в цирке работал.

– Почему?

– В цирке клоуны, они – добрые.

– И чё?

– А, у Трофима взгляд, как у змея.

– Фигня какая-то. Он же не клоун.

Люба подбирает с пола блузку.

– Если б не Трофимова школа, – продолжает подросток, – я бы тебя сегодня не выручил. Скажешь, нет? – Женщина одевает блузку. – Выручил, кто же спорит. Выручил. – Люба подходит к сумке, стоящей на столе, роется в ней. – Тут сникерс где-то был. Специально тебе купила... – Женщина замечает упаковку презерватива, валяющуюся на полу. – Ой! Так и спалиться недолго! – Она подбирает упаковку и кладёт её в сумку.

Оперативники Сергеев и Нечай едут по дачному посёлку, там, где только что проехали бандиты. Сергееву – за сорок, Нечаю нет и тридцати, но на голове у него маленький островок седины, похожий на птичье перо.

... – Вот тогда-то я и попалился! – говорит Сергеев. – Хотя

это и был пьяный трах и ничего более, она мне этого не простила. А ты знаешь, как обиженная баба достать может.

– Глядя на тебя – знаю.

– Не женись, Никита, – вздыхает Сергеев. – Попадётся как моя – всю печень проест...

– Когда развод?

– В следующую среду, всё – свободен: служба, дача, рыбалка.

– И никаких баб?

– Ну... это вопрос открытый. Без них сложно, при нашей-то нервной работе.

– А, я в убойный отдел перехожу. Уже документы отправил.

– И молчал, партизан?

– Чего говорить. Ты всё равно через полгода на пенсию. По любому расстанемся. Слушай, и что, дома сидеть будешь в сорок пять лет?

– Я слесарить люблю. Может, в какой авторемонт подамся.

– Видел, джип впереди вильнул?

– Видел. Может, на дороге что-то валяется? Сейчас же знаешь, какие люди – меня пронесло и – ладно, а что там с другими будет – по барабану.

Сергеев останавливает автомобиль, и они выходят. Слышно собачье поскуливание. Они идут к обочине. В кустах сидит пёс. На боку – кровь.

– Сбили тебя что ли, бедняга? – обращается Сергеев к псу.

– Они специально это сделали.

– Почему?

– Пёс лежит на правой обочине, и джип вильнул вправо.

Значит, они не уходили от столкновения, а его пытались зацепить.

– Может ты и прав. Вот уроды!.. Ну и что нам, барбос, с тобой делать? А-а?

Пёс понимающе смотрит на оперативников и тихо скулит.

– Ошейника у него нет. Значит, бродяга местный, – говорит Никита.

– Может, на заднее сиденье его? Сейчас бросим на дачу удобрения, мангал. Потом сдадим нашим кинологам, пусть ветеринар посмотрит. А потом я его на дачу отцу отвезу. Собака как раз нужна.

– Тебе виднее, Петрович. Ты же у нас дачник-собачник, не я.

Сергеев наклоняется и осторожно берёт собаку на руки. Пёс скулит. – Тяжелый, блин!..

– Не тяпнет?

– Не-е. Меня собаки не кусают.

Сергеев кладёт собаку на заднее сиденье. Мимо проносятся джип Бритвы, из кабины слышны глухие басы и ор шансона. Сергееву кажется, что он ловит презрительную усмешку водителя. – Сука! – ярится. – Так бы догнал и ствол в рот запихал!.. Ничего, номерок я запомнил!..

Карлсон по водосточной трубе лезет на второй этаж. Его цель – окно, откуда доносится приглушенная фортепианная музыка и слышен женский голос. – ...А теперь «плие»...

Он осторожно заглядывает в окно. В балетном классе у станка полуприседают девушки. Одна из них – Саша, в трико и короткой юбочке – сидит на лавке и растирает правую ногу.

Из мобильника Репы – долговязого восемнадцатилетнего шкета в бейсболке козырьком набок – орёт тюремный шансон, на земле у церковной ограды лежит одноногий калека Трофим, рядом валяется костыль. Его пинают три подростка. Репа в экзекуции не участвует. – ...Ещё раз опоздаешь, – говорит он калеке, – вообще убьём!

– Пацаны, ну, вы чё! – скулит Трофим. – У меня печёнка с утра болела!..

– «Кнос» жрать не надо! – говорит Репа. – Ты с восьми утра должен стоять у входа и просить милостыню!

– Завтра так и будет. Только не бейте!

Подъезжает джип Бритвы, подростки прекращают экзекуцию. Трофим тянется за костылём и пытается встать. Стекло со стороны пассажирского места опускается, появляется ухмыляющаяся морда Шрэка. – Чё, воспитываем нерадивых работников?!

– Ага! – бодро рапортует Репа. – Опаздывает, козёл!

– Правильно, – говорит Шрэк. – И ногой и рублём накажем. Трудовую дисциплину надо соблюдать. Бабки собрал?

– Собрал и разменял, – Репа достаёт из сумки полиэтиленовый пакет и передаёт Шрэку. Тот достаёт купюры, пересчитывает. – План не натянули, – говорит он Бритве, скрытому сумраком салона. – Слабовато, Репа, работаешь, – говорит бандит. – Премияльных не будет. – Он протягивает Репе несколько купюр. Пакет передаёт Бритве. – Работайте.

Трофим к этому времени поднялся и стоит, пошатываясь у ограды. – Калеку не убейте, – говорит Шрэк, – а то другого надо будет искать. – Стекло опускается и джип уезжает. Репа пересчитывает бумажки и с неодобрением глядит в сторону уехавших шефов; поворачивается в сторону Трофима. – Чё уставился, козёл! Иди отсюда, пока жив! Или щас вторую ногу выдернем!..

По улице идёт Саша с собранными на затылке волосами. На голове у нее наушники, девушка уставилась в свой телефон. Хоть она и прихрамывает на правую ногу, но по осанке и походке безошибочно узнаёшь танцовщицу. По другой стороне улицы крадется Карлсон. Его глаза горят, он замороженно следит за девушкой...

Нечай со скучающим видом листает журнал, с полуобнаженной девушкой на обложке, ожидая пока медсестра сделает укол веснушчатому полицейскому с перебинтованной го-

ловой. Наконец, девушка выходит. Оперативник кидает журнал на тумбочку и берет с неё папку. – ...И что, ты совсем не понял, кто и чем тебя вырубил? – говорит он пострадавшему постовому.

– Нет. Забегаю за угол и почти сразу – удар.

– Почти? Значит, был момент до удара. Что-то ты должен был увидеть.

– Женщина-монашка была точно, – веснушчатый кидает невольный взгляд на журнальную девушку. – И как будто ещё кто-то. Но кто, не успел заметить.

– А, чего ты гнался за ней, как маньяк за нимфеткой? Четыре квартала? Она что, урка в федеральном розыске?

– Да, нет... Но порядок есть порядок... На подведомственной территории занималась незаконной деятельностью.

– Что-то не наблюдал я у пэпээсников такого рвения. Ты чего-то не договариваешь, сержант?

– Всё я договариваю, товарищ капитан! – стоит на своем полицейский. Его лицо становится пунцовым. Нечай сверлит его взглядом. – Небось, на чужую территорию залезла монашка. Вот ты и восстанавливал справедливость, так сказать?

– Ничего я не восстанавливал, товарищ капитан! – упорствует веснушчатый. – Долг служебный исполнял! – Нечай достаёт из папки лист бумаги и ручку. – На вот, начерти подробно, где тебя вырубили...

...Бритва и Шрэк стоят около автомобиля на территории автомастерской. Бритва протирает фланелькой очки. Мастер захлопывает капот, – ...Всё, Шрэк, можешь забирать точилу. Движка пашет как часы.

– Ща проверим!

Шрэк садится на водительское место. Бритва не спеша одевает очки, кладёт фланельку в кофрик, засовывает его в карман пиджака и только затем садится на пассажирское кресло. – Ты знаешь, Шрэк, про кого я вспомнил? – говорит Бритва. Шрэк включает зажигание. – Нет. – Двигатель заводится, утробно урчит. – Про Лёшу-пасечника. Он нам ещё много должен? – Шрэк прислушивается к работе двигателя. – Пять тонн баксов ещё висит... А, движка ничего шуршит...

– Если мёдом и дичью расплачиваться, то он нам до покоса висеть будет.

– А чё, мёд у него классный. Натуральный продукт. И фазаны – зашибись. Не чета магазинным курицам. – Шрэк включает скорость и автомобиль трогается.

– Но ведь Лёша у нас охотник!

– Охотник. И чё?

– А, у нас дичь есть.

Шрэк втапливает педаль в пол, с пробуксовкой стартует и несётся по двору автомастерской; дёргает ручной тормоз и лихо входит в полицейский разворот. Автомобиль замира-

ет на месте.

– Кажется, догоняю, – говорит Шрэк, подгазовывая. – Дичь – это Корней?

– Корней.

– Точняк! Лёша стрелять умеет. Сам видел, как он фазанов щёлкал. И в армейке он в разведке служил.

– Он не только стреляет, он ещё и на охоту ходит.

Шрэк давит на газ и автомобиль с пробуксовкой срывается с места. – И чё?

– Охотник может пойти на охоту и не вернуться.

– Точняк! – Шрэк жмёт на тормоз, автомобиль с визгом останавливается около ворот бокса, где стоит мастер.

– Лёша исполнит Корнея, пригласим его на охоту... – говорит Бритва – ...уйдём втроём, вернёмся вдвоём, – дополняет Шрэк. Друзья выходят из автомобиля.

– Ну что? Порядок? – спрашивает мастер.

– Да, ништяк всё. Тачка из-под жопы выпрыгивает, – говорит Шрэк. Он хлопает автомобиль по крыше. – Ещё багажник установлю.

– Зачем? – удивляется Бритва.

– Велосипед возить.

– А, велосипед зачем?

– В лесопарк буду ездить. К Лёше-пасечнику – по лесу гонять. Ты про гиподинамию слышал?

– Слышал.

– Там, короче, при сидячем образе жизни...

– Ладно, Шрэк, кому-нибудь другому втирай про гиподинамию. Я – пошёл.

– Это и к тебе относится! – он пытается донести мысль уже в спину Бритвы.

– Отвали, говорю!

– А-а, о тебе же забочусь! – машет он рукой. Шрэк берётся за дверь, собираясь сесть в автомобиль. Бритва оборачивается и пристально смотрит на него.

– Ты чё, Бритва? – замирает Шрэк.

– Нога прошла?

– Какая нога? – недоумевает Шрэк. – А нога... Ну-у: в тачку сел и забыл про ногу...

Бритва загадочно улыбается и уходит.

Трофим и Карлсон в комнате на чердаке. Снаружи, на верхотуре, дует ветер и где-то скрежещет лист жести – словно кто-то мучает диковинную зверушку. Мрачный калека лежит на диване, юноша стоит около стола и наливает в кружку чай.

– ...Попомни, Трофим, – говорит подросток. – Я когда-нибудь урою или Бритву или кого-нибудь из его гопоты. Вот, зуб на мясо даю!

– Пустой номер будет, – говорит калека. – Тебя вычислят и башку оторвут. И кому от этого хорошо будет?

– Значит, надо сделать так, чтоб не нашли, – гнет свое Карлсон.

– Найдут! – не сдаётся Трофим, отпивая чай. – Ты скажи лучше, за какой девчонкой ты сегодня крался?

– Ты откуда знаешь?! – удивляется подросток.

– Видел. И тебя и девчонку. А ты меня – нет. – Калека усмехается. – Бритву он собрался урвать!

– Блин, ты партизан, Трофим, ещё тот! – Карлсон явно озадачен. – Люба не верит, что ты работал в цирке.

– Любка – сумасшедшая. Мало ли чего она несёт. Но ты с темы не съезжай. Что за девчонка?

Подросток вздыхает, чешет затылок. – Нравится она мне.

– Э-э, Карлсон, пустой номер всё это. Я тебе не раз говорил: это параллельный мир и тебе туда не попасть.

– Это мы ещё посмотрим.

– Слепой сказал – посмотрим. Сдавайся в детдом, получай документы, учись, вот тогда может чего и выйдет из твоей жизни. А с этого чердака путь для тебя – или на зону, или в настоящие бомжи. Чердак этот один хрен кто-нибудь найдёт, и дом этот рано или поздно под бульдозер пойдёт.

– Ни за что в детдом не пойду!

– Ну, и дурак!

Трофим, вдруг, вскрикивает, хватается за бок. – А-а, сука! Печёнку опять прихватило! Больно как! – Он скручивается на диване в клубок.

Сергеев и Нечай стоят у стены заброшенного дома.

– ...М-да, больной райончик, – говорит Нечай, осматри-

вая неприглядные блочные дома. – Чистый гарлем.

– Тут – все дома расселены. Нормальные люди здесь не шатаются.

– Бомж какой-нибудь голову нашему сержанту починил, – говорит Сергеев, носком поддевая обломок кирпича.

– Надо монашку устанавливать.

– Она такая же монашка, как я – папа римский.

– Ясен пень.

– Местный бомжатник трясти придётся. – Сергеев внезапно раздражается. – Я бы этого сержанта!.. Попёрся, твою мать!..

– Надо с участковым местным поговорить.

У Сергеева звонит телефон, он вынимает трубку. – Да! – слушает. – Чёрт!

– Что?

– Отец звонил. Он клетку забыл закрыть, кролики разбежались. Говорит, не может найти половину зверьков.

– И что?

– Что! Что! На дачу надо ехать!.. Батя!.. Сержант!.. Как мне все дороги!.. – злится Сергеев. – Слушай, Никита, может это... ты сам к участковому сгоняешь?..

Карлсон сидит на лавочке напротив подъезда жилого дома и жуёт сникерс. Дверь открывается и оттуда выбегает Саша с тросточкой, за ней – женщина, судя по всему ее мать. Женщина ловит Сашу за рукав, та пытается вырваться. – ...

Отстань от меня! Все равно уйду!

– Кончай спектакли устраивать! – шипит мать, озираясь на окна.

– Живи со своим Игорем! Я к отцу уйду!

– Нет у тебя отца, дурочка!

Девушка пробует вырываться. – Сама дура!

– Ты как с матерью разговариваешь!

В окнах маячат любопытные жилыцы. Саша вырывается и хромает прочь от женщины, по щекам девушки текут черные от косметики слёзы.

– Все равно вернёшься! – кричит женщина вслед. Видимо, соседи ей уже по барабану. – Никуда не денешься!

– Пошла ты!.. Ненавижу!..

Женщина возвращается к подъезду, но не заходит внутрь и смотрит вслед девушке.

Карлсон кладёт остатки сникерса в карман, идёт за Сашей. Девушка вытаскивает из кармана телефон, набирает номер. – Ира, я из дома ушла! – говорит девушка в трубку. – Мне переночевать негде!.. – она заворачивает в сквер и садится на лавочку. Карлсон садится по соседству и слышит продолжение разговора. – ...Блин, и ты ещё подруга после этого! А как у меня от предков пряталась, забыла!..

Девушка выключает телефон. Трость падает и катится по асфальту. Саша утыкается в колени, скулит, вздрагивая плечами. – Никому я не нужна! – бормочет она сквозь слезы. – Никому!.. Подружка называется!.. – Карлсон подбира-

ет трость и подходит к девушке. – Эй... слушай... – говорит подросток.

Саша поднимает голову с коленей. – Чего тебе?!

Карлсон протягивает ей трость. – На.

– Поставь. Спасибо!

Юноша прислоняет трость к лавочке. – Я помочь тебе могу.

Саша достает из кармана платочек. – Как?

– У меня переночевать есть где.

Саша промокает глаза. – Ты кто?

– Карлсон.

– Это кличка?

– И кличка и имя.

– Ты швед, что ли?

В сквер вбегает мать девушки. – Саша! – зовет она истерически. Девушка вскакивает с лавочки. – Бежим! – кричит она подростку. Саша хватается за трость и срывается с места. Карлсон – за ней.

– Саша, ты куда?! Саша, стой! – кричит мать вслед.

– Куда бежим? – выдыхает Карлсон.

– К тебе!..

Нечай и участковый идут по улице. – ...Нет, капитан, – говорит участковый, – поющая монашка слишком заметна. Если бы она вертелась на моей территории, я бы про неё знал. Это залётная какая-то...

Из-за угла, чуть не сбивая служителей закона, выскакивают хромая Саша и Карлсон и вихрем проносятся мимо. Они – смеются.

– Эй, сумасшедшие!.. – кричит им вслед участковый.

– Где мои пятнадцать лет!.. – мечтательно протягивает Нечай.

– Комиссия по делам несовершеннолетних по ним плачет, – неодобрительно вставляет участковый.

– Они молодые и им все по барабану, а ты – комиссия...

– Это у меня реакция на резкие движения, – оправдывает участковый.

– Когда-то и я был такой же беззаботный, – говорит Нечай, глядя вслед подросткам, и тут же переходит в деловое русло. – Слушай, но с монашкой же кто-то был?

– В том районе бомжи да гастеры обитают.

– Контакты у тебя там есть?

– Конечно.

– Если она с кем-то вась-вась, то её должен кто-то знать.

– Вводную понял. Сегодня перетру со своими барабанами, глядишь, что и появится.

– Тогда звякнешь мне...

Сергеев подходит к металлической ограде загородного дома Бритвы. На лужайке мать Алисы – Оксана Игоревна – сидит на качелях под тентом и пилкой обрабатывает ногти, рядом внук Денис играет с кроликом. Сергеев кашляет,

женщина поднимает голову. – Уважаемая, можно вас на пару слов?

– Вы кто? – говорит женщина настороженно.

– Да вы не пугайтесь. Я сосед ваш, можно сказать. Через дачу наискосок. Я кролей своих ищу.

– Кролей? То есть кроликов?

– Да, кроликов. Они разбежались тут... Всех поймал, один остался.

Оксана Игоревна смотрит на кролика, с которым играет внук. – Ой, извините! А я думала, это зайчик заблудился: из леса прибежал. А это оказывается... Ей богу так неудобно получилось, – добавляет она с кокетливой улыбкой.

– Да что вы. Дело житейское.

– Дениска, зайчик-то дядин. Отдать зайчика надо.

Денис берёт кролика в охапку и букой смотрит на Сергеева.

– А, знаете, что? – говорит Сергеев.

– Да?

Сергеев пальцем подманивает женщину к себе. Оксана Игоревна кладёт пилку на сиденье и подходит к ограде. – Давайте не будем мальчишку расстраивать, – говорит он, понизив голос. – Пусть наиграется, а я отца своего пришлю позже. Ему и отдадите.

– Ему через пятнадцать минут уже спать, – говорит женщина, глядя на ребенка. – Тогда можно будет и забрать.

– Вот и хорошо.

– А, может чаю? И время пролетит незаметно? – предлагает Оксана Игоревна.

– Чаю?

– Я калитку боковую сейчас открою. Я тут с ума от скуки схожу...

Запыхавшиеся подростки переходят на шаг. Карлсон меняет ногу и подстраивается под Сашин хромо́й шаг.

– У тебя тоже такая привычка?

– Какая?

– Ногу подстраивать?

– Ага.

– Прикольно!

– Что с ногой? Подвернула?

– Нет. В аварию попала.

– Ты поэтому на балет не ходишь?

– Откуда ты про балет знаешь?

– Я? – Карлсон смущен. – ...Просто знаю.

Саша останавливается. – Ты за мной следил?

Карлсон молчит.

– Отвечай! Следил, да?!

– Нет.

– По-моему, я тебя видела около балетной школы. Ты ма-
ньяк? Говори, давай!

– Офигела, что ли! Я нормальный пацан!

– А, чего за мной следил? – продолжает наступать девуш-

ка. Карлсон смотрит в землю.

– А, ну смотри на меня!

Карлсон по-прежнему смотрит в землю, Саша заглядывает снизу в его лицо. – Ты покраснел, что ли?

– Отвали! Покраснел я!

Девушка распрямляется. – Ты влюбился в меня, да? – она тыкает в него пальцем. – Влюбился! Скажи, влюбился, да?! – Карлсон отступает под экспансивными тычками девушки. – Если сейчас же не ответишь, я уйду! Ну?!

– Да, – еле слышно отвечает подросток.

– Давно?

– Две недели уже. Ты на рынке яблоки покупала. Тогда и... вот.

– С ума посходили! Все в меня влюбляются!

– Кто ещё, например? – ревниво спрашивает Карлсон.

– Неважно – проехали. Так ты следил за мной, Ромео?

– Я – не следил. Я хотел с тобой познакомиться.

Саша опирается на его руку. – Тогда води меня, Ромео. У меня нога болит. А где твои предки? Уехали?.. Только смотри, ничего такого не будет...

Алиса сидит перед трельяжём и подкрашивает губы. На столике, помимо косметички, лежат большой надкусанный шоколад, бананы и шкурки от них. Из приоткрытой двери ванной доносится шум душа. Слышен голос Шрэка. – ... Я, Алиска, наверное, стареть стал. Сегодня одного козла от-

пинал... за дело, само-собой... Так у меня почему-то настроение испортилось. Вот я и жру шоколад и бананы. Серотонин повышаю.

– Чего?

Шум воды затихает.

– Серотонин! – говорит невидимый Шрэк. – Ща объясню...

Алиса кладёт помаду в косметичку и встаёт. В комнату заходит Шрэк – голый с полотенцем на бёдрах. – ...Это гормон счастья... – обескураженно. – Ты чё, Алиса! Давай ещё разок!

– Хватит с тебя.

– Алиса, ну ты чё так обламываешь?

– Слушай, Шрэк, ты прекрасно знаешь, я сплю с тобой, чтобы досадить своему муженьку! Всё – отстань!

– Досади ему ещё раз! – бандит обнимает Алису. – Давай, чё ты!

– Да пошёл ты, говорю! – отбивается женщина.

– Ну-ну, ты потише на поворотах, коза!

– И что? Отпинаешь как «того козла»? Попробуй!

– Ладно, ты! Мы с тобой в одной лодке.

– Пусти.

Шрэк отпускает женщину.

– Говоришь, в одной лодке? – говорит жена Бритвы. – Ну, это как посмотреть. Со мной он в крайнем случае разведётся. А вот с тобой... – Алиса оглядывает его с головы до ног. –

Мне даже интересно, что он с тобой сделает, если узнает?
– Так пойди, стукани ему! – нервничает Шрэк.
– А, что? Это – мысль. Всё разнообразие в моей кислой жизни.

– Ни хрена «кислая»! Всё у неё есть! Другие бабы о таком только мечтают!

– Другие ещё о любви и верности мечтают. И у кого-то она есть. А тут...

Она зло сжимает губы, лезет в сумочку и достаёт сигарету.

– Да, ладно, не бери в голову. Всё у нас в шоколаде, – успокаивает ее Шрэк.

Алиса закуривает. – Вот и торчи тут в своём шоколаде!

– Не кури здесь! И так работа нервная, ещё не хватало лёгких подцепить! – говорит Шрэк. Алиса дует ему в лицо табачным дымом. – Ты лучше гонорею не подцепи! Чао! – Женщина уходит.

– И тупых картинок мне не шли больше! – кричит он вслед, закрывает дверь, открывает окно и угрюмо задумывается...

Бритва сидит в кабине джипа и наблюдает за подъездом. Дверь открывается и выходит Алиса. Она достаёт ключ-брелок, слышно, как свистнула сигнализация. Женщина садится в малолитражку и уезжает. Бритва снимает очки и кладёт на сиденье, его глаза моргают. Из подъезда выходит Шрэк в шлеме и с велосипедом на плече.

– Вот тебе какой ботинок жмёт, с-сука!..

Шрэк садится на велосипед и уезжает. Из глаз Бритвы кажутся слезы. Он достаёт платок и осторожно промокает глаза. Одевает очки, заводит автомобиль и едет за Шрэком. Обманутый муж прибавляет газ, велосипедист – приближается...

В центр мишени втыкается нож. Саша взвизгивает – она стоит рядом с ней. Подростки на чердаке – в жилище Карлсона.

– Чё, испугалась? – говорит подросток самодовольно.

– Блин, дурак?! Ты чуть меня не убил!..

– Я никогда не промахиваюсь. Я с пяти лет ножи метая.

В цирке могу выступать.

Саша трогает ручку ножа. – Прямо никогда-никогда? – спрашивает она недоверчиво.

– Никогда!

– Ты как династия: от отца – к сыну.

– Трофим – мне не отец.

– И мамин Игорь мне не отец. Так что, какая разница...

А, мой настоящий отец – подонок. Так мама говорит.

– Почему?

– Он бросил нас, когда я была маленькая. Я ей не верю.

Она сама – ещё та штучка.

– А, я и подонку был бы рад.

Карлсон выдёргивает нож из мишени и идёт к столу. – Вообще, по фиг, кто отец. Хоть бы одним глазком его увидеть!

У Саши звонит телефон. Девушка вынимает трубку, смотрит на дисплей. – Достала!

Карлсон кидает нож в стол. – Мать звонит?

– Да.

– Беспокоится. А ты отца видела?

– Издалека. Но разглядеть не успела. Они с мамой в сквере что-то обсуждали. А потом он сел в чёрный джип и уехал.

– Так встретиться с ним и узнай, как всё на самом деле было.

– Как? Я ни имени его, ни фамилии не знаю...

Опять звонит телефон. Девушка отключает вызов.

– Наверное, мама с ума сходит? – говорит подросток.

– И пусть сходит!

– Слушай, может, ты помиришься с ней?

– Ты меня выгоняешь?

– Ты чё! Я про другое. Будь у меня мать, я бы к ней побежал, не задумываясь. Ты помирись с ней. А твоего отца мы вместе искать начнём.

– Как?

– Придумаем.

Опять звонит телефон Саши. Девушка смотрит на дисплей, на Карлсона.

– Ответь ей... – говорит подросток.

Нечай и Участковый стоят у ограды церкви, перед ними неопрятный попрошайка Коля. – Это точно была монашка? – спрашивает его Нечай.

– Отвечаю! – говорит попрошайка.

– А Трофим чего с ней якшался?

– А я ху... хрен знает! Грехи замаливал, наверное.

– Кто Трофима отпинал?

– Местные.

– Я знаю одного, – вмешивается участковый. – Это – Репа.

Местный хулиганствующий элемент.

– Когда это было? – спрашивает Нечай Колю.

– Не помню. Пьяный был. Может вчера. А может, позавчера...

– Где живёт Трофим, знаешь?

– Не-а. Трофим он зашкеренный весь. Ху... хрен знает, где он прячется. Мож загнулся уже... У него печёнка в последнее время отстёгивалась.

– А, ты Трофима знаешь? – обращается Нечай к участковому.

– Помню, что одноногий и – всё. Мне мой майор, – добавляет он вполголоса, – велел попрошаек сильно не беспокоить.

– Понятно. У майора интерес есть.

– Я этого не говорил.

– Приметы монашки можешь сказать? – обращается оперативник к попрошайке. Коля напрягает пропитый мозг. – Баба как баба. Смех у неё придурочный...

Бритва и Леша-пасечник стоят во дворе у большого стола.

На Бритве элегантный костюм, на Леше – рабочая одежда. У обоих на головах лицевые сетки. Лёша держит над ведром рамку с сотой, с неё стекает мёд. Над ними кружат редкие пчелы.

– ...Так что, Леха? – говорит Бритва.

– Если долг простите – возьмусь. Только где и как это делать?

– Поездишь со Шрэком, последишь за клиентом. Там и определишься «где и как».

Во двор пасеки на велосипеде въезжает Шрэк, он в спортивном костюме, с сумкой через плечо, на голове – велосипедный шлём, правая рука забинтована. Шрэк спрыгивает с велосипеда, прислоняет его к забору. Достает из сумки лицевую сетку, напяливает на шлём, подходит.

– Это кто тебе зарядил? – спрашивает Леха, показывая на забинтованную руку Шрэка.

– Какой-то придурок чуть не сбил, когда на велосипеде ехал. Хорошо ещё на газон упал, а не на асфальт. – Шрэк отмахивается от пчелы. – Чё прикопалась?!

– От тебя одеколоном прёт! – говорит Леха. – Они этого не любят.

– Охренел что ли – одеколоном! Это французский парфюм за сотку баксов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.